

Подтверждают наличие в их вузах команд КВН 52% опрошенных, в том числе сами выступали на сцене 18%, а зрителями были 14%. Считают, что команды КВН у них не было, 39%, при этом указывают, что КВН во времена их учебы были запрещены, 3%. Говорят о том, что КВНовское движение еще только зарождалось, когда они заканчивали вуз, 5%. КВН не заинтересовал 3% опрошенных, не помнят о нем 6%.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что система высшего образования в середине 1980-х гг. направляла творческую активность студентов на участие в коллективах, повидавших престиж вуза, города и страны. Перестройка продемонстрировала неспособность таких коллективов держаться в период экономических трудностей только на энтузиазме. Сосредоточение вузов на отдельных, должным образом профинансированных направлениях, позволило, в определенной степени возродить организацию студенческой культуры в Перми. Организованные формы досуга были важной и запоминающейся частью жизни большинства студентов 1984–1998 гг.

Примечания

¹ См., например, Хоринко П.А. Пермский сельскохозяйственный институт имени академика Д.Н. Прянишникова. 1918–1988. Воровьева З.Е. Институт в моей судьбе. Пермь, 2005. Интенсификация творческой деятельности студентов. Казань. 1990. Коротков Н.З. Специфика и взаимосвязь эстетического и художественного воспитания студентов технического вуза // Эстетическое воспитание в техническом вузе. М., 1991.

*Ю.С. Подлубнова
(Екатеринбург)*

«Среднеуральские эпизоды» гастролей К. Бальмонта*

Практика гастролей, поездок модных писателей и поэтов по регионам с выступлениями, получившая распространение в Серебряном веке, дала возможность выстроить и сюжет данной статьи. В 1915 г. широко известный в России и за рубежом поэт-символист К. Бальмонт запланировал проехать через всю страну – от Москвы до Иркутска – с лекциями «Поэзия как волшебство» и «Океания». Поэта особенно интересовали Урал и Сибирь как регионы экзотические, неопрделенным, но, возможно, большим культурным потенциалом.

Первый «среднеуральский эпизод» в гастролях 1915 г. начался со знакомства Бальмонта с вокзалом Екатеринбургa, собственно,

* Исследование подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

этим и закончившись. Дело в том, что, собираясь выступить в середине ноября в городе, поэт не позаботился получить надлежащего разрешения у властей, и ему пришлось проехать с Южного Урала сразу в Пермь. Во время остановки поезда № 3 корреспонденту екатеринбургской газеты «Зауральский край» удалось взять у Бальмонта интервью. Поэт охотно поделился своими впечатлениями о «чуткой и отзывчивой» молодежи, посещающей его концерты, и озвучил дальнейшие планы: «Из Перми <...> я проеду в Иркутск, буду читать лекции в попутных городах, а на обратном пути, в начале декабря, непременно остановлюсь в Екатеринбурге» (номер от 13 ноября).

Здесь же, на вокзале, случилась неожиданная встреча поэта с Н.А. Морозовым¹, который также совершал гастроли по Уралу, выступал в Екатеринбурге с «научными поэмами» «В поисках философского камня» и «Современное воздухоплавание на фоне общественной жизни народов». Корреспонденту, присутствовавшему при встрече, удалось зафиксировать диалог знаменитостей, произошедший около поезда: «– Тот самый Морозов! – воскликнул Бальмонт, пожимая руку Н.А.

– Тот самый. <...>

– Я вижу, что долговременное заключение прекрасно влияет на сохранение бодрости и энергии.

– Но вряд ли, шутливо отвечает Н.А., вы захотели бы таким способом сохранить свою бодрость». В Пермь поэт и известный арестант поехали в одном вагоне.

Второй «среднеуральский эпизод» в гастролях Бальмонта случился значительно раньше, чем рассчитывал поэт, в том же ноябре 1915 г. Проехав из Перми в Омск, он получил-таки разрешение на лекции в Екатеринбурге, где и выступил в Зале Коммерческого собрания с уже обозначенными темами: 24 ноября была прочитана «Океания», 26 – «Поэзия как волшебство». Оба выступления получили отклики в местных газетах «Зауральский край» и «Уральская жизнь».

Реакция екатеринбургских критиков, побывавших на лекциях поэта, была, в принципе, схожей – выделяется ряд моментов, повторяющихся в статьях и заметках. Первое, что показалось необычным и вызвало чрезвычайный интерес публики, это сама манера Бальмонта строить и подавать лекционный материал. Так, лекция об Океании была воспринята слушателями как «ряд живых картинок» («Уральская жизнь», 26 ноября), «полу-поэма, полу-этнографический очерк, в котором причудливо сочетались стихи, ритмическая проза и беглые наблюдения туриста» («Зауральский край», 26 ноября). «Образы, образы и образы сплетаются в запутанный клубок <...> – писал Н. Смуров. – В этой лекции нет положений, которые бы лектор доказывал, или развивал, в ней есть

только образная передача чувств, испытанных путешественником поэтом, чувств изменчивых и разнообразных до беспредельности» («Зауральский край», 26 ноября).

С единообразным и, пожалуй, куда большим восторгом критики отзывались о второй части «Океании» и о лекции, посвященной «волшебству поэзии», которые содержали не столько образный, сколько конкретный и фактографический материал: «Вторая лекция К.Д. Бальмонта отличалась от первой большим богатством конкретного содержания. Во второй лекции меньше образов, она несколько суше, но зато в ней есть идея, которую поэт стремился обосновать и доказать» («Зауральский край», 28 ноября). В этом плане немалый интерес екатеринбургской публики вызвала звукосемантическая теория Бальмонта: синестетическое восприятие гласных и согласных и его интерпретации конкретных букв, когда «А», например, представлял как «самый красивый звук, ясный и утверждающий», «О» как «звук восторга», «Ю» как «улыбка, смех» и т. д. Присутствующие в зале вряд ли были столь образованны, чтобы знать о предшествующих опытах Артюра Рембо.

Общим в отзывах местных критиков стал также своеобразный пересказ содержания лекций. Своеобразие заключалось в том, что насыщенный «красочными картинками» и ритмом материал оказался сложно передаваемым привычными средствами публицистики: трудно было в двух-трех логически завершенных, по-газетному сжатых фразах передать смысл сказанного. Корреспондентам пришлось дословно воспроизводить речь поэта. Приводить эти пересказы полностью нецелесообразно, достаточно выбрать наиболее показательные цитаты: «Речь – чудо, в ней все чарование от звука и до слова; в ней все богатство, блеск и роскошь. Но надо уметь подойти к этому чуду, надо иметь ключ к пониманию этого богатства и только тогда можно стать чародеем-поэтом», а «поэт чаровник потому, что обладает этой силой, улавливает внутренний смысл каждого звука» («Зауральский край», 28 ноября). Среди «чаровников» от русской поэзии Бальмонт назвал Фета и Пушкина: «Они поняли и, как чудодеи, использовали напевность русской речи, заложив первоосновы русской поэзии».

Лекция о «волшебстве поэзии» завершилась ответом на вопрос из зала: «Можно ли говорить сейчас о волшебстве звуков и чудесной силе слова, когда там на полях сражений льется кровь?» Бальмонт ответил следующими аллегориями: «Я стоял на берегу океана, который при криках бури шел на меня тысячью валов. Океан был грозен и страшен. Но вдали от меня было селение и оттуда доносился мирный звон колокола, призывавшего в бурю к тишине и спокойствию».

Мне казалось, что и звон тоже нужен.

Я видел солдат из окопов, суровых, французских солдат, и они говорили мне, что когда весной пролетали над ними жаворонки, певшие свои тихие песни, легче было людям в окопах.

Мне кажется, что жаворонок тоже нужен» («Зауральский край», 28 ноября).

Наконец, последнее, что единодушно отметили екатеринбургские критики, – это теплый прием публики. Каждую лекцию Бальмонт завершал стихами, после чего звучали продолжительные аплодисменты.

Сам Бальмонт поездкой в Екатеринбург остался недоволен. Из-за нее пришлось отказаться от посещения Томска, Красноярска и Иркутска – городов, которые представляли для него очевидный интерес. Екатеринбург же, как признался поэт корреспонденту «Уральской жизни», посетившему его в Американской гостинице, произвел самое неблагоприятное впечатление – города «сонного» и «отставшего в умственном отношении на целую четверть века по сравнению с жизнью столицы» («Уральская жизнь», 28 ноября). Местная публика показалась некультурной: многие посчитали его футуристом, а другие не поняли его лекций или вообще не знали его имени. Более всего поэта обидели пустовавшие в Зале Коммерческого собрания первые ряды кресел. Высокая стоимость билета, 3 руб., по мнению Бальмонта, не могла быть оправданием, поскольку, например, в Шуе и Иваново-Вознесенске билеты на первые ряды стоили по 25 руб. и все были раскуплены представителями «торгового и промышленного класса».

Впрочем, в том же интервью Бальмонт признался, что Сибирью остался недоволен еще более. Тюмень показалась населена «какими-то троглодитами». Поэт рассказал историю про одного тюменского фельетониста, который решил написать статью и спрашивал, кто есть Бальмонт – футурист, символист или декадент? Оказалось, что фельетонист даже не читал его стихов.

Корреспонденту «Уральской жизни» удалось узнать также дальнейшие планы поэта: после Екатеринбурга тот собирался посетить Вологду, затем отправиться в Петербург, святки провести в Москве. «С первым дыханием весны» Бальмонт планировал открыть новое турне по провинции (выступать с лекциями о Руставели) и вновь посетить города Урала, в том числе и Екатеринбург. Забегая вперед, скажем, что весной 1916 г. поэт, действительно побывавший на Урале, в Екатеринбург так и не заехал.

Несмотря на тяжелые впечатления 1915 г., в последующем, вспоминая о гастролях, Бальмонт любил рассказывать следующую историю: в городах Урале афиши с извещениями о лекциях клеились на мучной клейстер, и козы, гулявшие по улицам, моментально их поедали. Поэт комментировал: «Меня знает вся Россия, а на Урале даже козы – отъявленные бальмонистки»².

Примечания

¹ Н.А. Морозов (1854–1946) – революционер, ученый, писатель и поэт. В 1881 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В тюрьме (в Шлиссельбургской крепости) он провел более 25 лет и написал 26 трудов по ряду точных и гуманитарных дисциплин. После амнистии 1905 г. Морозов занялся поэзией и выпустил сборник «Звездные песни» (1910), революционное содержание которого стало поводом для нового тюремного заключения, закончившегося лишь в 1913 г. Подробности этой встречи волновали уральских краеведов и спустя 50 лет. См.: Кориков А. Кто видел дальше? Ученый Н. Морозов и поэт-символист К.Д. Бальмонт в Екатеринбурге // На смену! 1965. 23 октября.

² Федорищев В. Бальмонт, Бруни и... Миасс // Уральский следопыт. 1993. № 10.

Е.Ю. Рукосуев
(Екатеринбург)

Модернизация технологии добычи благородных металлов на Урале в начале XX в.

Общий подъем промышленного производства и внедрение новых технологий в экономику России в конце XIX – начале XX вв. не обошел стороной и добычу на Урале золота и платины, благородных металлов которые играли ведущую роль в финансовой и экономической жизни государства.

В начале XX в. для добычи золотоносной руды стали применять алмазное бурение¹ и использовать перфораторы, которые вместе с компрессорами приобретались за границей². В основном применялись электрические перфораторы системы «Сименс и Гальске», которые были довольно тяжелыми и громоздкими: станина весила 6 пудов (100 кг), сам перфоратор – 3 пуда (50 кг), к нему также прилагались буровые инструменты, набор ключей, мотор. Перетаскивать по подземным выработкам такой перфоратор было довольно затруднительно. Зато с его помощью скважину в два вершка (9 см) проходили за одну минуту, в то время как ручным способом за четверть часа проходили только один вершок (4,45 см). Правда, на установку перфоратора уходило 15–20 минут, а при поломках – и больше. Добыча одной кубической сажени породы перфораторным бурением стоила 45–60 руб., а ручным 30–45 руб. Но, тем не менее, перфораторы на золотых рудниках распространились довольно широко³.

Все использовавшиеся на золотых приисках экскаваторы изготавливались за границей на германских и английских заводах. В начале XX в. Путиловский завод начал выпускать многочерпаковые и одночерпаковые экскаваторы. В 1905 г. в России работало 4 многочерпаковых экскаватора в Восточной Сибири и 5 одночерпаковых, из которых 2 использовались на Урале, на приисках Акционерного